

А. Котомкин²¹⁹О ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРАХ В СИБИРИ²²⁰

Казань продолжала переживать последние дни перед падением; как мираж, постепенно исчезала и, наконец, совершенно исчезла надежда на помощь союзников. Обстрел города усилился, к большевикам подошли сильные подкрепления из интернациональных отрядов, формирование которых ими в то время тщательно скрывалось. И вдруг, как-то внезапно, стало известно, что Казань оставлена не только представителями правительства, Лебедевым и Фортунатовым, но и военным командованием и что войска отходят на Сибирский тракт, — в городе началась паника.

Известие об оставлении Казани войсками пришло поздней ночью с 7 на 8 сентября, и все казанцы, кто хоть мало-мальски был связан с делом обороны родного города, поняли, что они первые подвергнутся всем жестокостям, неоднократно обещанным Троцким в его приказах...

Начались тяжелые сцены расставания. Голосила молодая жена, прощаясь с мужем-добровольцем и не могущая последовать за ним в неизвестность с двумя маленькими детьми. Старый русский генерал, участник многих кампаний, последний раз крестил своего единственного сына-гимназиста-добровольца, наказывая ему стоять до конца за трехцветное русское знамя. Бессильно рыдала пришибленная горем старушка мать, надевая на сына-студента образок Казанской Божьей Матери.

Вот идет слободской рабочий, окруженный целым выводком своих ребятишек. Несколько раз он останавливается и берет по очереди на руки то того, то другого малыша, никак не желающих отстать от «тяти». Уже розданы все гостинцы, обещаны все подарки, а ребятишки все бегут за отцом. Наконец, уговаривавшая их мать махнула рукой и кинулась назад — в свой слободской домишко. Наспех захватив кое-что, она возвращается, и уже все вместе они спешат к городским воротам. Помню, как потом я собирал эту детвору на большую скрипучую телегу; дети беззаботно пели песни, смеялись, а вокруг шли понурившиеся родители...

По дорогам тянулись беженцы, также нагруженные детьми и захваченными впопыхах вещами... Попадались встречные — это были подавшиеся первой панике и теперь возвращавшиеся обратно. Среди них вижу измученное бессонной ночью доброе лицо старого преподавателя нашего реального училища; он перекрестил меня: «Вы идите, а я не могу уже, болен я, да и стар», — и мы расстались.

Отходящих начали догонять новые волны беженцев, которые рассказывали, что красные уже вошли в крепость и набросились на ближайшие улицы, что они грабят и разбивают лавки, что уже сбросили с колокольни священника и вообще творят разные бесчинства.

Над дорогами, усеянными беженцами, летали немецкие аэропланы. А в голове, как удары молота, раздавались слова проклятий остающихся в городе: «Зачем вы приходили? Вы растоптали нашу веру в вас. Вы хуже большевиков, — те хоть прямо говорят, что идут грабить и убивать нас, вы же говорили, что пришли нас спасать и... обманули... предали нас в руки палачей, а сами трусливо убегаеете».

Над головами в смутном сентябрьском небе курлыкали перелетные птицы, наводя на одних горькие думы о только что покинутых гнездах, у других же вызывая надежды на лучшее, в этой притаившейся где-то впереди неизвестности — куда они, шаг за шагом, день за днем, все дальше и дальше уходили от родной реки...

В мою задачу не входит описание спора за власть между Уфимской директорией и Сибирским правительством и затем вступление в единоличную власть Верховного Правителя адмирала Колчака, бывшего до этого времени министром Сибирского правительства.

Роль чехов и отношение их к этим событиям вкратце таково. Попытка «учредилцев» утвердить свою власть чешскими штыками не удалась. Чехи поддерживали их открыто до тех пор, пока было возможно. Возможность эта прекратилась по той простой причине, что некого стало поддерживать, ибо твердая власть оказалась в руках не социалистов. Товарищи эсеры побежали было жаловаться чехам, но русская национальная власть оказалась выше возможности поставить ей какие-либо ультиматумы. Власть эта тотчас же принялась за укрепление русской военной силы, не переставая в то же время считать чешских легионеров своими союзниками. Чехи объявили, что вопрос власти их не касается и что они не вмешиваются во внутренние русские дела. Что иного оставалось сказать после того, как вмешательство, и очень даже серьезное, потерпело неудачу? Отсюда начинается второй, прозаический период пребывания чехословаков в Сибири. Они сильно рассердились на «реакционного адмирала» Колчака и так и не могли простить ему его самого до тех пор, пока не выдали его большевиком. В дальнейшем мы увидим, в каком тесном единении с чехословацкими легионерами проходила вся борьба эсеров с властью адмирала Колчака и чем борьба эта закончилась.

На фронте у чехословацких легионеров давно прошел пыл дальнейшей борьбы с большевиками, после того когда они встретились лицом к лицу с регулярной Красной армией (под Бузулуком) и по-

несли большие потери. Это начало развала Чехословацкого войска в России отмечено трагическим самоубийством начальника Чехословацкой дивизии полковника Швеца. Он застрелился после отказа своих войск выполнять боевые приказы против Красной армии.

Я помню похороны полковника Швеца в Челябинске. Торжественно, грустно и стыдно было чего-то, тогда еще не совсем понятного. Этот одинокий выстрел прозвучал как грозное предостережение чехословацким войскам, — любимый начальник предпочел одинокую смерть, чем жизнь без воинской чести. Быть может, он думал, что его поступок заставит образумиться покотившееся назад Чехословацкое войско. Но Швец ошибся. Легионеры похоронили его с музыкой, с речами, с биением себя в грудь и продолжали уходить в тыл.

Это новое положение чехословацких легионеров русскими понималось как временное — отдохнуть идут, устали, все лето были в напряжении. Не остыли еще благодарные сердца, еще перед глазами было их победное выступление. Никому и в голову не приходило, что чехи окончательно бросают фронт и более туда не вернуться. Разве могут герои сидеть в тылу? Одна мысль об этом была бы тогда оскорбительна. Ведь недавно еще не было разделения среди наших военных, — чех ли, русский ли — все равно. Чехи — это мы. Не считались ни жертвами, ни подвигами; население занятых городов одинаково осыпало цветами и подарками русских и чехов — наши пришли.

До этого мы были — одно. Один порыв, одно стремление, одна могучая волна взмыла нас и несла, прокатилась победно по всей Сибири до Волги. Наши тайные офицерские и казачьи организации, без которых немыслим был бы успех выступления чехов, оставаясь в тени, помогали закрепляться чешской тонкой нити на Великой Сибирской магистрали. Не считались рангами и чинами — наши многоопытные боевые офицеры подчинялись чешским, часто безграмотным и глубоко штатским начальникам. Словом, в то время никто не считал чехов иностранцами, к ним относились с беззаветной любовью и доверчивостью, как к своим собственным детям и братьям, на всем пространстве Сибири.

И вот новое положение — отстранение чехами себя в иностранцы. «Невмешательство» в русские дела долго не могло вписаться в русские головы. Благодаря этому много было совершено ошибок, слишком болезненно потом переживалось разочарование, больно отразился братский удар в размявшее русское сердце.

Теперь издали, через опыт и спокойное изучение вопроса, видим, что прозаически и без всякой волнующей славянской романти-

ки дело произошло вот как: «Прошли легкие победы, триумфальные захваты пустых городов», веселый разгон неорганизованных доморощенных красных шаек. Победа эта досталась необыкновенно быстро, легко, «играючи», ибо у большевиков во всей Сибири не было тогда никаких регулярных войск. Импровизированные «красногвардейцы» с винтовками на веревочках, наскоро собранные толпы рабочих — это не армия.

В № 34 «Красного Архива» опубликованы интересные донесения майора Пишона, члена французской военной миссии в Петрограде, командированного в Сибирь после октября. Майор Пишон в то время (в начале 1918 года) был главным советником и осведомителем Парижа по сибирским делам. Он настаивал на создании военной базы в Сибири и считал эту задачу вполне осуществимой, главным образом потому, что у большевиков в Сибири не было в то время армии. «С хорошо дисциплинированной дивизией можно отвоевать всю железную дорогу до Омска», — доносил майор Пишон в Париж. И так «захваты пустых городов» прошли победно, весело, и герои почилы на лаврах.

Но вот пришла другая пора, и дело приняло серьезный оборот. Из Европейской России надвинулась Красная армия, какая-никакая, но все же за ней лежала одна из великих мировых держав. За фронтом безмолствовала стомиллионная страна...

Подумать было о чем. То есть подумать-то надо было немного раньше, перед выступлением — если замахнулся, так уж бей. Но чехи все же решили подумать — лучше поздно, чем никогда. И думали они так — ни много ни мало — целый год. Тот самый год, когда Русская Сибирская армия держала фронт на Урале, чехословацкие легионеры сидели в тылу, и сидели до тех пор, пока не настал трагический конец и армии, и всего, что было с нею связано.

Прозаическая, без славянского романтизма, суть дела заключалась в том, что цель выступления чехов была теперь достигнута. Цель выступления — воспротивиться требованию Троцкого сдать оружие. Требование это имело логическое основание: чехи — военнопленные, снаряженные и одетые русской властью, и русская же, та или иная, власть имела право взять это снаряжение обратно. Теперь между Троцким и чехами стал адмирал Колчак, Красный Халиф на Час остался за Уралом. Угроза разоружения отпала, что и требовалось доказать. Чехи решили — мир с Германией на Западе ведь означал мир и с большевиками.

Хотя мнение большевиков на этот счет не совпало с чешским — большевики остались на прежней точке зрения, а именно: через год, когда Колчаковский фронт рушился и чехи оказались лицом к лицу с

красными, чехи так поспешно бежали от красных, что вылезали даже из своих драгоценных насиженных теплушек, оставляя не только все свои пожитки, но бросая даже броневики. Однако это не помогло, красные настигли чешский тыл и открыли огонь. Наконец чехословацкие легионеры сделали попытку выслать парламентариев на переговоры. Однако тут красный командир ответил им: «Разговаривать нам не о чем. Вы — русские военнопленные и должны немедленно сдать все русское вооружение». Ниже мы увидим, что потом, в Куитуне, между красными и легионерами мир все-таки был заключен.

С родины шли вести о провозглашении самостоятельной Чехословацкой Республики. Стоило ли дальше воевать — ведь «мы уже освободили наш народ». «До бот войну! Домой!» Так писал «Ганак», один из легионерских журналов, издававшихся в Сибири. «В Версале начинается грандиозная торговля... Народ наш не нуждается в просьбах, потому что не нуждается ни в чьей помощи. Он сам себе помогает, он это доказал!»

В общем, выстрел полковника Швеца прозвучал одиноко. Это был последний чешский выстрел в войне с большевиками. Все последующее была уже не война. В частях начались митинги, появились ораторы против командного состава, требование выборных начальников, съезды делегатов воинских частей — и надо всем этим стоял вопль: «Домой!» Политические руководители и военное командование переполошились. Но все же кое-как усидели на своих местах, уладили дело компромиссами и стали ждать эвакуации домой.

Итак, Чехословацкое войско, отступая, бросило фронт и потянулось по Сибири длинной лентой эшелонов или, как они сами говорили тогда, «гадом» (змеей), возвратилось опять на те места, где находилось до своего славного выступления. Началась для легионеров теплушечная жизнь на станциях Сибирской железной дороги, с малыми передвижениями. Типичная картина для сибирских станций на протяжении всего 1919 года. Всюду, в тупиках и на запасных путях, стоят эшелоны красных вагонов — «40 человек, 8 лошадей». Только теплушки благоустроенные, с печками и окнами. Снаружи все разрисованы целыми картинами и украшениями из березовой коры. Среди «жилых» теплушек стоят обычно груженные составы, платформы, тщательно обтянутые брезентом. Разместились легионеры также и по городам, по казармам, в военных городках, поселках и станционных зданиях. Их эшелоны тянулись по всей магистрали, от Урала до Владивостока.

Надо сказать, что к тому времени Чехословацкий корпус неизмеримо распух — в нем было более 50 тысяч людей. К чехам-добровольцам,

составлявшим первоначальное войско, присоединилось много «соотечественников» из мадьяр, евреев и немцев, оставивших лагеря военнопленных. Они только что записались в «соотечественники» здесь же, как только была провозглашена новая свободная Республика Чехословаков. Новенький чехословацкий мундир был тогда удобным прикрытием для всевозможных новоиспеченных «граждан», дельцов и талантов, поистине завидных. Это было очень хорошее подданство. «Граждане» в новеньких чехословацких мундирах ездили по железной дороге туда и сюда, что-то покупали, продавали, нагружали, перегружали, отправляли, получали и наводняли станции и улицы сибирских городов толпами «знатных иностранцев».

А кругом бушевало взбаламученное русское море. Волны беженцев с Волги и Урала заливали и без того переполненные города. Местные власти, бессильные что-либо исправить, метались в тщетных попытках улучшить положение городов. Сытый сибирский город стал неузнаваем. Ободранные столовки, длинные очереди с карточками, серые, обветренные обыватели, терпящие нужду в самом необходимом. Когда-то богатые, сибиряки должны были вновь и вновь жертвовать своим последним, самым необходимым, делиться с бегущим из-за Урала братом и кровом, и пищей. Разъедаемый красной и полукрасной пропагандой, одурманенный кровавою страстью, русский народ пил горькую чашу, поднесенную ему Судьбой...

С фронта везли раненых, не хватало лазаретов, медикаментов, во всех направлениях отправлялись мобилизованные к местам призыва. Постоянные мелкие восстания в тылу, порча единственной артерии огромной страны — железной дороги — довершали трудную обстановку.

В то время Совет союзных миссий придумал использовать стоящих в тылу чехов для охраны дороги. Благо они жили на путях совершенно бездельно. На каждой станции был поставлен чешский комендант, в распоряжении которого были паровозы и весь подвижной состав. Он обладал в своем районе огромной властью. Так, с согласия адмирала Колчака, дана была чехословацким легионерам тыловая сдача. Задержка транспорта из-за злостного вредительства Сибирской дороги прекратилась.

Но впоследствии мало-помалу появилась другая болезнь — из охранителей дороги чехословацкие легионеры стали превращаться в фактических ее владельцев. С особенной силой это завладение дорогой сказалось после падения Омска. Тогда отступавшая Сибирская армия принуждена была свернуть с магистрали на таежные дороги. Сам адмирал, рискнувший поехать по железной дороге, был задержан леги-

онерами в пути и после целого месяца пленения был выдан ими большевикам. Обо всем этом будет рассказано ниже.

В начале же, когда легионеры оставили фронт и ушли в тыл, ни правительство адмирала Колчака, ни общество еще не видели, что чехи уже не вернуться на фронт. Все думали, что это только временный отдых, необходимый после пережитого летнего напряжения. То же говорили и союзные представители. Однако было известно, что Чехословацкое войско нуждается не только в отдыхе, но и в некоторой реорганизации, некоторой «чистке».

Не только русские военные руководители, но и некоторые из чешских, типа полковника Швеца, считали, что необходимо отобрать из войска негодный элемент и посадить обратно в лагеря или куда угодно, лишь бы убрать. «Отвыкших от дисциплины, приучившихся жить на положении опекаемого лентяя и мелкого спекулянта, распропагандированных большевиками — убрать из войска!» Кроме того, прекратить выборность начальников, выгнать вон политических ораторов, восстановить воинскую дисциплину — вот что нужно было сделать для того, чтобы Чехословацкая армия была бы не сборищем вооруженных людей, а настоящей армией, годной для возвращения на фронт.

Союзники, или «интервенты», как их называли тогда в Сибири, которые признали адмирала Колчака Верховным Правителем и оказывали поддержку всем противобольшевистским вооруженным силам (Деникин, Юденич, Архангельский фронт), продолжали держать Чешское войско в Сибири, не торопились с его эвакуацией. Кроме чешских, было в Сибири и некоторое количество войск сербских, польских, румынских, английских, американских. Прибыл в Омск и командующий союзными войсками в Сибири, французский генерал Жанен. Выходило так, что есть союзные войска, есть союзный командующий, но ни войска не воевали, ни командующий не командовал. Генерал Жанен фактически не был командующим, а им командовали чехословаки, он же поспешно бросался выполнять их команду, как увидим ниже. Мало-помалу его подчиненные начали вести себя так, как ведут себя победители в завоеванной стране. Против этих сытых, откормленных, без дела в тылу торчащих войск нарастало глухое раздражение в населении, в армии и в правительстве.

В населении, измученном Гражданской войной и недостатком во всем, чехи, эти недавние баловни и любимцы, теперь же какие-то разжиревшие бездельники, вызывали косые взгляды.

— Только девок сманивают, гладкие...

— Ерои, попрыгали, нас впихнули в петлю, а сами наутек.

— Чего везете-то? Али завоевали?

Русская армия в рубище, кое-как снаряженная — на фронте, — чехословаки же одеты, обуты, вооружены — в тылу. Но кровавый жертвенник Гражданской войны еще просит жертв. Русская армия смотрит на фронт, а не в тыл. Разъяренный враг у ворот, все силы надо сберечь для борьбы с ним, пока еще теплится надежда победить.

Г. Думбадзе²²¹

ТО, ЧТО СПОСОБСТВОВАЛО НАШЕМУ ПОРАЖЕНИЮ В СИБИРИ В ГРАЖДАНСКУЮ ВОЙНУ²²²

Со школьной скамьи мы знаем, что летописи, записки и наблюдения очевидцев играют большую роль в составлении описания исторических событий государства. Для «историков-детективов» всякий маленький факт часто является «исторической уликой» для разрешения и правильного понимания жизни народов.

В сравнении с Нестором-летописцем мой голос, конечно, будет звучать как писк комара, но теперь и жужжание насекомых записывается на пленках чувствительных аппаратов, и это дает мне смелость сказать несколько слов в интересах историков Гражданской войны.

По окончании ускоренного курса академии Генерального штаба я был назначен в штаб представителя Верховного Правительства и Верховного главнокомандующего и командующего всеми русскими и иностранными войсками, действующими и расположенными в Енисейской и части Иркутской губерниях, Генерального штаба генерал-лейтенанта Розанова — в город Красноярск.

Военная цензура совершенно воспрещала газетам печатать что-либо, касающееся событий, происходящих в самом центре Сибири. Прибыв в Красноярск, я впервые увидел огненное пламя партизанщины, охватившее всю губернию.

Хождение по улицам Красноярска было сопряжено с большим риском. Банды красных и отдельные большевики под видом правительственных военнослужащих убивали офицеров, пользуясь покровом ночи. Никто не был уверен, кем он остановлен для проверки документов: настоящим законным патрулем или маскированными красными террористами. Поджигание складов и магазинов, перерезывание телефонных проводов и многие другие виды саботажа происходили буквально каждые сутки. Свет в домах не зажигался или окна